

В третьей церкви Церкви Славы забил набат. В радиусе его слышимости все, кто не пошёл на службу, высыпали из домов. Мужчины и женщины, схватившись за любое оружие, ринулись защищать свою церковь!

Добежав до церковных ворот, они увидели Королевскую полицию в броской красной форме - эти господа редко жаловали их район своим присутствием. Увидели распостёртых на земле без сознания прихожан из банды Молота. Увидели перепуганных, рыдающих соседей-прихожан. И священника, за шею которого цепко держался один из полицейских.

Священник дрожал всем телом, жалкий и несчастный, словно курица со свёрнутой шеей.

Это же их священник! Эти полицейские обезумели настолько, чтобы творить подобное в святой день?! Разъярённые верующие уже готовы были ринуться в бой, но их соседи-прихожане подошли к ним с серьёзными лицами, некоторые утирали слёзы.

- Марк, друг мой, послушай меня...

- Эйна... ты не знаешь, что случилось!

- Как такое возможно?!

- Нет! Вас наверняка обманули!

- Не верите - пойдёмте с нами в приют.

- Тот офицер сказал, что если окажется ложью, он готов принять огненную казнь!

- Неужели... это правда? Я давно подозревал, что что-то не так, но не хотел верить, что всё это ложь... - Реакция некоторых людей отличалась от остальных.

Они уже смутно догадывались, что что-то неладно. Почему все дети уходили и навсегда обрывали связь с домом? Их усыновили знатные семьи, и им неудобно общаться с родными? Но разве в Нортонской империи так много знатных семей? Когда это богатых стало больше, чем бедных?

Однако подозревающие снова и снова обманывали себя, думая: "Может, с чужими детьми что-то и случится, но мой ребёнок живёт в мире и достатке?" В конце концов, ребёнка уже отдали, где он теперь - неизвестно, как его вернуть?

- Спасибо! Спасибо, господин полицейский! Я знал, что с ними что-то не так, но мы ничего не могли поделать! - Были и такие, кто реагировал особенно бурно.

Потому что эти люди видели больше. Например, они видели тех, кто неотступно преследовал священника, твердя, что сожалеет и хочет вернуть ребёнка. Священник тогда соглашался, но не привозил ребёнка, а отправлял взрослых повидаться с ним. А потом... ни взрослых, ни ребёнка больше никто не видел.

Они были обычными людьми. Они знали, что если выскажут своё мнение, их тоже ждёт "встреча с ребёнком". Они боялись. Даже когда рождались другие дети, они с вымученной улыбкой отдавали их.

Благодаря этим разным людям, даже самые убеждённые фанатики вынуждены были последовать за остальными, чтобы увидеть детей.

- Мы привезём детей сюда, но их всего около двадцати! Сейчас их везут сюда на карете. Чтобы узнать о судьбе остальных детей, нужно искать священников Церкви Славы!

Анка с частью полицейских (среди них были и люди) уже оцепили церковь, не позволяя чрезмерно разгорячённым прихожанам разрушать её - всё это имущество предстояло передать Церкви Света. Одновременно они лихорадочно пытались найти что-то вроде бухгалтерских книг, чтобы выйти на след детей, начальства священников или покупателей.

- Ищите этих священников!

- Этих ублюдков!

Люди скандировали лозунги и под предводительством полицейских двинулись ко второй церкви. По пути к ним присоединялось всё больше и больше народу. Поначалу приходилось ненадолго останавливаться для убеждения, но потом люди стали вливаться в толпу очень быстро. Орвицке было труднее всего убедить людей в первой церкви, хотя сам он не чувствовал особых трудностей - все его действия были лишь естественной реакцией на праведный гнев. С позже присоединившимися пришлось немного повозиться.

Когда людей стало много, убеждать других стало легко - все стали живыми свидетелями. Тяготы жизни, тоска по детям - всё это было общим для этих людей, они легко заражали друг друга своими эмоциями.

Даже некоторые верующие, которые сначала пошли за толпой из страха перед Королевской полицией, под влиянием общей атмосферы начали испытывать подлинное недоверие к церкви.

Гнев, словно лесной пожар, начал распространяться по всему автономному району.

Вороны зловещим чёрным вихрем кружили в небе. Заметив кого-то, кто намеревался выстрелить из укрытия, они с оглушительным карканьем пикировали вниз, указывая цель для рыскавших по периметру полицейских-оборотней и жестоко карая негодяев - боеспособность вороньих старейшин была поистине ужасающей. Благодаря воронам, Орвицка, как хозяин Одина, стал полновластным властелином воздушного пространства над этой территорией.

Поэтому, когда некоторые пытались сбежать, вороньи старейшины успешно их обнаруживали.

Когда всё более многочисленная процессия двинулась к четвёртой церкви, подъехала карета.

Привезли детей. Узнавшие об этом взрослые мгновенно затихли. Они с ужасом смотрели на дверь кареты, одновременно отчаянно надеясь увидеть своих детей и смертельно боясь их увидеть.

Даже идя в этой процессии, в их сердцах всё ещё теплилась слабая надежда на "а вдруг". Если их ребёнок выйдет из кареты, эта надежда окончательно рухнет. Но если кто-то другой узнает своего ребёнка, разве это не значит, что их собственный ребёнок сейчас страдает неизвестно где?

Орвицка распахнул дверь. Он тоже чувствовал себя немного виноватым: дети только что попали в приют, ещё не успели толком успокоиться, а их уже привезли сюда, да ещё в место, где так много незнакомых взрослых. Выдержат ли они?

И снова Тиффани. Стойкость и смелость этой девочки поразили Орвицку. Она первой крепко взяла его за руку и спросила:

- Офицер Мондэйл, мои папа и мама здесь?

- Могу лишь сказать, что, возможно, они здесь. Здесь много людей, не бойся, - мягко ответил Орвицка.

В наше время не было ДНК. Даже если та пара и Тиффани совпадали по описанию, Орвицка всё равно не мог быть уверен.

- Спасибо, офицер.

Дверь кареты полностью открылась. Тиффани стояла на подножке и растерянно смотрела наружу. Множество незнакомых лиц пугали её. Вероятно, она не ожидала, что "много людей" - это настолько много. Она испуганно оглянулась назад. Орвицка вовремя протянул руку, чтобы она могла ухватиться. Тиффани немного успокоилась.

- Тиффани! Тиффани! - Это была та самая пара. Они протиснулись сквозь толпу и выбежали вперёд, их лица были искажены надеждой и страхом.

Когда трое встали лицом к лицу... сомнений не оставалось, это была семья. Даже если не смотреть на глаза, даже с закрытыми глазами было видно, что она похожа и на отца, и на мать.

- О! Моё дитя! Моё дитя! Боже!

- Проклятый бог! - выкрикнул кто-то рядом.

- Мама! - воскликнула Тиффани и бросилась в объятия женщины.

После примера Тиффани другие дети тоже начали выходить один за другим. Некоторые дети выглядели довольно обычно, поэтому к ним подбегало много родителей. Но дети часто испуганно качали головами и поворачивались, чтобы уткнуться в Орвицку. Они не могли узнать, были ли эти люди их родителями. Орвицка был тем, кому они доверяли больше всего.

- Мой ребёнок! Где мой ребёнок?! - Гораздо больше было тех, кто никого не узнал, но теперь точно знал, что их ребёнок не живёт счастливой жизнью.

- Верните мне моего ребёнка!

Они кричали, рыдали и бросились к карете, в которой приехал Орвицка - там, словно скот, сидели арестованные священнослужители церкви.

Полицейские плотным кольцом окружили карету:

- Поймайте больше ублюдков, и тогда сможете найти своих детей! Убьёте их - ничего не получите!

Тем временем Анка в карете сунул блокнот в руки этим священнослужителям:

- Пишите. Не напишете - отдадим вас тем, кто снаружи. Угадаем, на сколько кусков вас тогда разорвут? - его голос был ледяным.

Второй священник из второй церкви всё ещё колебался, но первый священник из третьей церкви был куда решительнее.

Как и сказал ему Орвицка во время угрозы: умереть сейчас или через пару дней от рук сообщников?

Он не хотел ни того, ни другого, поэтому тогда выбрал предательство, а сейчас тем более должен был активно сотрудничать.

Взяв блокнот, он не только быстро застрочил сам, но и, увидев высокомерное лицо товарища, инициативно заговорил:

- Джереми, старый друг мой, ты думаешь, что в глазах церкви мы, сидящие в этой карете, всё ещё те же верные и надёжные люди, что и раньше?

- Заткнись, Бейнши! Думаешь, я не знаю, что ты задумал? Ты просто хочешь затащить побольше людей за собой в грязь. Я - верный последователь Славы, я не совершу предательства церкви! - Похоже, вышло наоборот. Этот священник из второй церкви не только не поддался уговорам, но и с вызовом захлопнул блокнот.

Остальные священнослужители в этой просторной карете, увидев его реакцию, тоже отложили дрожащие перья.

Чуть позже, когда священник из третьей церкви закончил писать и отдал записи Анке, Анка демонстративно ничего не сделал священнику из второй церкви.

Тогда этот священник торжествующе ухмыльнулся:

- Видите, вот так обстоят дела. Мы - священники, проводники божьей воли. Что эти полицейские могут нам сделать?

Честно говоря, его самодовольный вид заставил даже священника из третьей церкви пожалеть о своём решении. Возможно, тогда в церкви ему следовало потерпеть ещё немного. Ведь тот полицейский не убил его, не так ли? Может, он просто блефовал?

Снаружи кареты по-прежнему царил невообразимый хаос. Прошло неизвестно сколько времени, дверь снова распахнулась. Орвицка стоял в проёме, держа за шиворот священника из четвёртой церкви. Свет падал ему в спину, и для сидящих в карете священнослужителей его детское лицо скрывалось в глубокой тени, оставался лишь грозный силуэт, охраняющий вход, величественный и ужасающий.

- В карете не поместится столько людей. Кто не сознался? - его голос прозвучал как приговор.

Места в этой полицейской карете было ещё предостаточно, ведь она была размером почти с общественный омнибус и вмещала не менее пятнадцати-шестнадцати человек.

Леденящее предчувствие закралось им в души. Они не успели толком понять, что именно не так, как рука Анки уже указала на священника из второй церкви. Тот мгновенно вскочил и попытался метнуться за спину священника из третьей церкви, используя других людей и сиденья в карете для укрытия. Но он успел только встать, как стальная хватка Орвицки сомкнулась на его шее.

Тем временем священника из четвёртой церкви бесцеремонно бросили на пол.

- Нет! Нет-нет! Спасите! Спаси... - Их коллегу вытащили наружу. Уходя, он отчаянно вцепился руками в дверь кареты. Сидящие внутри словно услышали леденящий душу звук ногтей, скребущих по дереву.

Эта обычная дверь кареты в этот момент казалась зловещими вратами ада.

Священник из третьей церкви дрожал всем телом: "Его просто вытащат и избьют? Или, как меня недавно, окунут в какой-нибудь сосуд со святой водой и подержат немного?"

Дверь не закрыли. Когда Орвицка отошёл от проёма, они увидели, что происходит снаружи. Бесчисленные головы колыхались недалеко от двери кареты. Люди протягивали руки, издавая яростный рёв и звериные вопли.

А потом... священника из второй церкви швырнули в толпу.

Действительно швырнули. Орвицка одной рукой держал его за шею, другой - за пояс, поднял и перебросил через цепь полицейских, поддерживающих порядок, прямо в кипящую гущу обезумевших людей.

- Ааааа-!!!!

- Мой ребёнок!

- Лжец!

- Демон!

На самом деле, Орвицка бросил его не так уж далеко, поэтому люди в карете могли видеть, как их коллега упал в толпу, как его схватили бесчисленные руки, рвали его уши, нос, одежду, его плоть...

Он мгновенно утонул в обезумевшей толпе, не видно было ни волоска, ни капли крови.

Анка брезгливо поморщился. Кто-то обмочился, и не один.

Бам! - Дверь с грохотом захлопнулась, отрезая их от ужасающей сцены снаружи.

Анка поднял оставшиеся пустыми блокноты и с ледяной усмешкой спросил:

- Билеты нужны? В конце концов, в карете действительно тесновато.

- Нужны!

- Мы скажем! Мы всё скажем!

Эти лицемеры, годами обманывавшие во имя бога, бросавшие чужих детей в огонь, торговцы

людьми, грабители, мошенники, убийцы, насильники - увидев кошмарную участь своего собрата, сломались от страха.

Они могли хохотать над чужими страданиями, попивая дорогое вино, но как они могли допустить, чтобы с ними случилось то же самое?

- Вы все хотите писать? Это просто замечательно, - Анка раздал блокноты и ручки. - Не торопитесь, господа, не опрокиньте чернильницу. Впрочем, то, что вы все готовы сотрудничать, тоже создаёт некоторые трудности. Может быть... дальше посмотрим, кто напишет больше?

Священник из третьей церкви, только что радовавшийся своей прозорливости и сотрудничеству, мгновенно почувствовал ледяной укол страха в сердце:

- Я... я вспомнил, что, кажется, кое-что упустил.

- Я тоже! - подхватил священнослужитель из той же третьей церкви.

Анка не стал их мучить, с обманчиво ласковой улыбкой протянул им новые блокноты и напомнил:

- Не только о детях. Обо всех незаконных и аморальных делах можно писать. Конечно, всё должно быть правдой. Если потом выяснится, что это ложь...

Анка улыбнулся ещё "доброжелательнее", но это заставило всех похолодеть от ужаса. Правда, их мочевые пузыри уже опустели, и новой порции страха выдать из себя не могли.

Слушая яростные крики и рёв снаружи, они писали как одержимые, перья так и летали над бумагой. Особенно когда кто-то считал, что написал уже достаточно, поднимал голову и видел, что другие исписали гораздо больше страниц, ему оставалось только тут же опустить голову и снова лихорадочно приняться за перо.

Они не знали, что пишут другие, и особенно не знали, пишут ли другие о них. Иногда их взгляды случайно встречались. Если собеседник поспешно отводил взгляд, они тут же думали, что тот пишет о них гадости в своём блокноте. А если взгляды скрещивались в упор и никто не уступал, они начинали подозревать друг друга в самых чёрных намерениях.

Это была здоровая конкуренция... неплохо, очень неплохо.

Старый друг Орвицки, репортёр "Нортон Морнинг Пост" Деннис Розенберг, а также Джереми Тани, Бауэр Колин и другие журналисты - все прибыли на место.

Их пригласил полицейский участок района Рыбьего Хвоста для освещения крупного события, обещавшего стать сенсацией.

Все думали, что появился ещё один ужасный серийный убийца или кто-то снова решил доставить неприятности участку, но оказалось... это действительно была грандиозная новость, и немного пугающая. Это был не бунт, это была демонстрация протеста, что во сто крат страшнее любого бунта.

- Эта демонстрация не направлена против империи, не против королевской семьи и не против трёх основных церквей. Она направлена лишь против группы ужасных сектантов, - Орвицка прямо и недвусмысленно заклеил Церковь Славы. - Народ разумен, всё под контролем. За исключением нескольких особо злостных преступников, никто не пострадал. Подробности вам расскажет наш начальник.

С помощью Далиана и Максима Орвицка связался с представителями церкви, верхушкой Королевской полиции и некоторыми высокопоставленными лицами Нортонской империи. Пока они могли контролировать ситуацию, эти чиновники и религиозные деятели были рады оставаться сторонними наблюдателями. Но на всякий случай, по предложению Орвицки, пригласили журналистов.

Через перо журналистов правда о Церкви Славы должна была разнестись по всем уголкам Нортонской империи.

Далиан не ожидал, что Орвицка поручит ему общение с журналистами:

- Почему я?

- Именно ты и должен. В этом деле твоя заслуга самая большая, - Орвицка ободряюще похлопал Далиана по плечу. - Я пойду дальше работать!

Эхо его голоса ещё не затихло, а он уже умчался прочь.

Они лишь нашли тихий уголок, чтобы переговорить с журналистами, а бушующая демонстрация там и не думала замедляться.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, никто из демонстрантов и не думал расходиться по домам. Люди достали ручные фонари, зажгли факелы. Постепенно затихающий район и колеблющийся свет пламени делали рёв и крики толпы ещё более отчётливыми и зловещими.

Орвицка беспокоился, что люди из первой церкви автономного района попытаются сбежать, но приспешники Церкви Славы, похоже, слишком расслабились в последнее время от безнаказанности... Священник первой церкви вместе со своими клириками дерзко встал посреди дороги, преграждая путь толпе демонстрантов. Однако его надрывные вопли потонули в рёве тысяч разъярённых голосов. Увидев его появление, демонстранты лишь ещё больше расสวิрепели. Они ринулись вперёд и, прежде чем полицейские успели вмешаться, разорвали священника первой церкви на кровавые куски!

- Аaaa! Аaaa! - Мужчина средних лет запихнул окровавленное ухо священника себе в рот и со слезами на глазах яростно разжевал и проглотил.

Некоторые отдали своих детей всего несколько лет назад, у них был большой шанс найти их. Но были и те, кто отдал детей десять, а то и десятки лет назад - найти их было практически невозможно. К тому же, за долгие годы, хотя они и трудились не покладая рук, у них не скопилось никаких сбережений.

Они знали, что после смерти церковь удостоит их лишь картонной коробкой, но раньше ради детей они мирились с этим унижением. Теперь... всё, с чем они раньше смирялись, превратилось в сводящее с ума, испепеляющее отчаяние.

Священники автономного района все были схвачены или растерзаны. Что им ещё оставалось делать?!

Люди смотрели на церковь, на предприятия Церкви Славы с ненавистной эмблемой подсолнуха, на карету позади, в которой тряслись от страха оставшиеся священнослужители Церкви Славы. Раньше полицейские просили их не причинять вреда этим людям и не трогать имущество. Тогда ещё сохранившие остатки разума люди послушались. Но после этой демонстрации кровь ударила в голову, и в умах многих зародились безумные, разрушительные мысли.

Люди постепенно затихли, но это было зловещее затишье перед бурей, хищный выбор зверем своей следующей жертвы.

- В район Утун! В штаб-квартиру Церкви Славы! - раздался чей-то оглушительный крик, нарушивший напряжённую тишину и напомнивший всем о главной цели.

- В район Утун! В штаб-квартиру Церкви Славы! - ещё больше людей замахали кулаками и взревели в едином порыве.

- Сэр, что с вами? - обеспокоенно спросил Питер у Орвицки. Тот только что резко нахмурился и неестественно повёл плечами. Опыт подсказал Питеру, что это не из-за беспокойства о текущей ситуации, а скорее из-за какого-то физического недомогания.

- Ничего, просто спина чешется, очень сильно. Наверное, волос попал, не страшно, - Орвицка с вымученной улыбкой отказался от помощи Питера.

Он не лгал. Спина действительно нестерпимо чесалась, но не только на поверхности, а глубоко в мышцах, до самого костного мозга. Внутренности тоже начали мучительно зудеть, одновременно сопровождаясь приступами разрывающей боли. Была ещё одна проблема: одежда становилась всё теснее, а обувь немилосердно жала.

Новую одежду ещё не привезли из ателье. Сейчас на нём всё ещё была та, что принёс Далиан в тот день, перешитая из одежды и обуви оборотней. Утром она была немного велика, а теперь причиняла настоящие страдания.

"Сегодня, наверное, ещё получится продержаться, не разорвав одежду, как Халк... верно?" - с тоской подумал он.

Толпа неумолимо двинулась в сторону района Утун. Прибыли Королевские полицейские из Главного управления. Они выстроились по обе стороны улицы и громко кричали:

- Внутренние дела Церкви Славы! Лица, не принадлежащие к Церкви Славы, разойдитесь!

Если бы это была другая толпа бунтовщиков, например, та, что устроила беспорядки полгода назад, увидев полицейских в красной форме, она бы уже давно в панике рассеялась. Но эти демонстранты с самого начала шли бок о бок с Королевской полицией в красной форме, и до сих пор подсознательно считали их своими, испытывая к ним безграничное доверие.

Они дисциплинированно двигались по улицам, оцепленным Королевской полицией, не громили витрины магазинов на своём пути, лишь несли фонари и факелы, скандировали грозные лозунги и неуклонно шли к своей цели!

Журналисты, сидевшие в карете с Далианом, тоже заметно нервничали. Хотя они находились на некотором расстоянии, они сильно беспокоились, что впереди может произойти несчастный случай. Пострадает ли полиция, демонстранты или обычные горожане - в любом случае это было бы ужасно печально.

Однако всё было на удивление спокойно. Там, где проходила многотысячная толпа демонстрантов, не оставалось даже лишнего мусора.

Здания, мимо которых проходили демонстранты, стояли тёмные и безмолвные. Жители обнимались со своими семьями, дрожа от страха в темноте комнат. Но ничего страшного не произошло. Они слышали только лозунги, доносившиеся с улицы: "Верните наших детей!", "Церковь Славы - демоны!", "Церковь Славы - лжецы!".

Раньше они не знали, что происходит, но по этим отчаянным крикам могли примерно представить себе чудовищную картину. К тому же, столько людей кричали об этом, значит... то, что они говорили, наверное, было страшной правдой?

Без карет, эти люди, не евшие с самого утра, на своих натруженных ногах, с рёвом и криками шли три с половиной часа и наконец добрались до штаб-квартиры Церкви Славы в Содмане, в районе Утун. Это место находилось не так уж далеко от улицы, где когда-то жила несчастная Данна Боент.

<http://bllate.org/book/17916/1715875>